

Курт Воннегут

Эффект Барнхауза

Художник И. Олейников

Прежде всего, хочу предупредить, что я, как и все другие, понятия не имею о местопребывании профессора Артура Барнхауза. Он исчез полтора года тому назад, и я не получал от него никаких известий, кроме короткой и весьма загадочной записки, которую нашел в Сочельник в своем почтовом ящике.

Добавлю, что если читатели этих строк надеются овладеть так называемым «эффектом Барнхауза», то их ждет разочарование. Если бы я мог и хотел раскрыть этот секрет, то, конечно, стал бы не простым преподавателем психологии, а кем-нибудь поважнее.

Меня уговорили написать этот отчет, так как я работал ассистентом у профессора Барнхауза и первым узнал о его потрясающем открытии. Но пока еще я был студентом, он ни разу не говорил со мной о том, как можно высвободить энергию мысли и управлять ею по своему желанию. Эти сведения он не хотел доверять ни одному человеку.

Кстати, должен заметить, что термин «эффект Барнхауза» выдумали газетчики, а сам профессор никогда его не употреблял. Он назвал это явление «психодинамизмом», или «силой мысли».

Вряд ли есть на свете хоть один цивилизованный человек, которого надо убеждать, что такая сила существует. Ее разрушительная мощь хорошо известна во всех столицах мира. Несомненно, человечество уже давно догадывалось о ее существовании. Все знают, что некоторым людям особенно везет в тех играх, где приходится иметь дело с неодушевленными предметами — например, бросать кости. Профессор Барнхауз открыл, что всякое «везение» — вполне измеряемая сила и что у него самого эта сила воздействия на предметы достигла невероятной величины.

По моим расчетам, сила профессора Барнхауза к тому времени, когда он ушел в подполье, была примерно в пятьдесят пять раз больше, чем сила атомной бомбы, сброшенной на Нагасаки. Он вовсе не хвастался, когда сказал генералу Хансе Баркеру накануне операции «Мозговой штурм»:

— Вот сейчас, не вставая из-за стола, я, пожалуй, могу стереть с лица земли всё, что угодно, — от Джо Луиса до Великой Китайской стены.

Понятно, многие считают, будто профессор Барнхауз ниспослан нам свыше. Первая церковь Барнхауза в Лос-Анджелесе насчитывает многие тысячи прихожан. Но он ни телом, ни духом не похож на святого. Человек, который взял на себя миссию всеобщего разрушения, — холост, ниже среднего роста, полноват и склонен к сидячему образу жизни. Его IQ (коэффициент интеллекта) — 143: уровень вполне приличный, но ничего из ряда вон выходящего. Он, конечно, не бессмертен, но пока что вполне здоров и собирается справлять сорокалетие. Если ему сейчас и приходится жить в одиночестве, то это вряд ли его особенно беспокоит. Когда я с ним работал,

он был очень тихим, застенчивым человеком и явно предпочитал книги и музыку обществу своих коллег.

Ничего сверхъестественного ни в нем самом, ни в его способностях нет. Его психодинамические излучения подчиняются физическим законам, так же, как и радиоволны. Все, наверное, слышали в радиоприемниках оглушительный треск от «статического поля Барнхауза». Солнечные пятна и возмущения в ионосфере также влияют на эти излучения. Но все же они в некоторых отношениях существенно отличаются от обычных радиоволн. По желанию профессора вся энергия психодинамизма может быть сосредоточена в любой точке, а сила воздействия не зависит от расстояния. Таким образом, психодинамизм имеет бесспорное преимущество перед бактериями или атомными бомбами, не говоря уж о том, что его применение не требует никаких затрат: профессор может избирательно воздействовать на личности или объекты, угрожающие обществу, вместо того чтобы истреблять целые народы во имя сохранения международного равновесия.

Генерал Хансе Баркер заявил Комитету национальной обороны: «Пока мы не отыщем Барнхауза, защиты от «эффекта Барнхауза» не существует». Попытки заглушить или экранировать излучение провалились. Премьер Слезак мог бы и не расхотеть такие баснословные суммы на «барнхаузоустойчивое» убежище: почти четырехметровая толщина свинцового перекрытия не помешала профессору Барнхаузу дважды сбить премьера с ног, когда он там отсиживался».

Начались разговоры о том, что необходимо разыскать людей, в которых таится та же самая сила. Сенатор Уоррен Фоуст потребовал ассигнований на эту работу и провозгласил новый лозунг: «Кто владеет эффектом Барнхауза, тот владеет миром!» Комиссар Кропотник высказался примерно в том же духе, и началась новая дорогостоящая гонка вооружений, только с особым уклоном.

Теперь каждое правительство носится со своими лучшими игроками в кости, как будто они физики-атомщики. Возможно, что на земле, кроме меня, найдется сотни две одаренных психодинамистов. Но, не владея техникой профессора, они так и останутся всего-навсего удачливыми игроками в кости. Даже зная секрет, они превратятся в опасное оружие не раньше чем через десять лет. Как раз такой срок понадобился и самому профессору. Так что «эффектом Барнхауза» пока что владеет — и надолго — только сам Барнхауз.

Считается, что эпоха Барнхауза наступила примерно полтора года назад — в день операции «Мозговой штурм». Именно тогда психодинамизм приобрел политическое значение. Но на самом деле это явление было открыто в мае 1942 года, когда профессор отказался от специального назначения и записался рядовым в артиллерию. Психодинамизм был открыт так же случайно, как рентгеновские лучи или вулканизация резины.

Время от времени товарищи по казарме звали рядового Барнхауза перекинуться в кости. Он никогда не играл в азартные игры, и обычно ему удавалось отвертеться. Но как-то вечером он сел играть просто из вежливости. Этот факт можно назвать катастрофой или чудом — все зависит от точки зрения на то, что сейчас происходит в мире.

«Выбрось-ка семерку, папаша!» — сказал кто-то. И «папаша» выбросил семерку десять раз кряду, так что обчистил всех до единого*. Потом он вернулся на свою койку и из любви к математике вычислил на обороте счета из прачечной вероятность такого сопадения. Оказалось, один шанс из десяти миллионов. Это озадачило Барнхауза, и он попросил кости у соседа. Снова попробовал выбросить семерку, но на этот раз ничего не вышло. Тогда он немного полежал, а потом опять стал бросать кости. И снова выбросил семерку десять раз подряд.

Публикуется в сокращении

* Игральные кости: два кубика с точками от одной до шести на каждой грани. Семь и одиннадцать выигрывают, три и двенадцать проигрывают. Любое другое число выигрывает только тогда, когда выпадает до появления следующей семерки. (Примеч. автора.)

Другой на его месте присвистнул бы и отмахнулся от этого чуда. А профессор стал размышлять, при каких обстоятельствах ему оба раза так повезло. И нашел единственный общий фактор: и в том и в другом случае — как раз перед самым броском — в его голове промелькнула одна и та же мысль.

Именно эта мысль организовала нейроны таким образом, что мозг профессора стал самым мощным оружием на земле...

Первый уважительный отзыв о психодинамизме профессор услышал от соседа по койке. «Здорово бьешь, папаша, не хуже игрушечного пугача!» Да, профессор Барнхауз и вправду здорово бил. Хотя кости, послушные его воле, весили всего несколько граммов, так что сила, двигавшая ими, была минимальной, но сам факт ее существования мог перевернуть весь земной шар.

Он не сообщил о своем открытии из профессиональной осторожности: нужно было получить новые данные, которые легли бы в основу теории. Однако впоследствии, когда сбросили бомбу на Хиросиму, страх заставил его молчать. Но никогда его эксперименты не были «буржуазным разговором против истинной демократии», как выразился премьер Слезак. Профессор даже не знал, к чему они приведут.

Со временем он открыл еще одно поразительное свойство психодинамизма: его сила возрастала благодаря упражнениям. Через шесть месяцев профессор мог воздействовать на кости, которыми играли на другом конце казармы, а когда он демобилизовался в 1945-м, от одного его взгляда из печных труб на расстоянии трех миль сыпались кирпичи.

Однако совершенно бессмысленно обвинять профессора Барнхауза в том, что он мог бы шутя выиграть последнюю войну и просто не захотел этим заниматься. К концу войны он обладал всего лишь силой и дальностью 37-миллиметрового орудия, никак не больше. Его психодинамическая мощь превысила мощь мелкокалиберного вооружения только после того, как он, демобилизовавшись, вернулся в Вайандотг-колледж.

Я поступил в аспирантуру два года спустя после возвращения профессора. Совершенно случайно его назначили руководителем моей темы. Я очень огорчился, потому что в глазах преподавателей и студентов профессор был довольно нелепой фигурой. Он пропускал занятия и сбивался во время лекций. По правде говоря, к тому времени его чудачества из смешных превратились в невыносимые.

«Мы только временно прикрепляем вас к Барнхаузу, — сказал мне декан факультета. Он был смущен и словно старался оправдаться. — Барнхауз — блестящий ум, поверьте. Это не сразу видно, особенно теперь, после его возвращения, но до войны его работа принесла известность нашему маленькому институту».

Сплетни сплетнями, но то, что я увидел собственными глазами, когда впервые вошел в лабораторию профессора, напугало меня еще больше. Везде лежал толстый слой пыли; ясно, что к книгам и приборам никто не прикасался месяцами... Профессор дремал за столом. О какой-то деятельности говорили лишь три наполненные пепельницы, ножницы и свежая газета с вырезками на первой странице.

Барнхауз поднял голову и взглянул на меня мутными от усталости глазами.

— Привет, — сказал он. — Ночами не сплю, не высыпаюсь. — Затем прикурил сигарету, руки у него немного дрожали. — Это вам я должен помочь с диссертацией?

— Да, сэр. — За эту минуту мои сомнения переросли в тревогу.

— Сражались в Европе? — спросил он.

— Да, сэр.

— Там ведь кое-где камня на камне не осталось, а? — Он помялся. — Понравилось на войне?

— Нет, сэр.

— Как по-вашему, скоро опять будет война?

— Похоже на то, сэр.

— И никак нельзя помешать?

Я пожал плечами:

— Кажется, дело безнадежное.

Он пристально посмотрел на меня:

— Слыхали о международных соглашениях, об ООН и так далее?

— Только то, что пишут в газетах.

— И я тоже, — вздохнул он. Потом показал мне толстую папку с вырезками. — Я никогда не обращал внимания на международные отношения. А теперь их изучаю так же, как крыс в лабиринтах. И все говорят мне одно и то же: «Безнадежное дело».

— Разве что произойдет чудо, — произнес я.

— Верите в чудеса? — быстро спросил профессор. Он вынул из кармана пару игральные кости и сказал: — Попробую выбросить двойки.

И выбросил двойки три раза подряд.

— Вероятность — один шанс из сорока семи тысяч. Вот вам чудо. — И просиял на мгновение, но тут же прервал разговор: оказалось, у него лекция, которая уже десять минут как должна была начаться...

Он не торопился открывать мне свою тайну и больше не упоминал о фокусе с игральными костями. А я решил, что кости были со свинцом, и совсем об этом позабыл.

Барнхауз дал мне задание наблюдать, как крысы-самцы перебегают через находящиеся под током металлические пластины, чтобы добраться до кормушки или до самки. Эти эксперименты были закончены еще в 30-х годах и не нуждались в проверке. Однако мало того что я возился с бессмысленной работой — профессор допекал меня неожиданными вопросами: «Думаете, стоило бросить бомбу на Хиросиму?» или: «Как по-вашему, любое научное открытие идет на пользу человечеству?» Но вскоре мои огорчения кончились.

— Дайте бедным животным передохнуть, — сказал он однажды утром. (Я работал у него всего месяца.) — Вы могли бы помочь мне решить более интересную проблему, а именно: в своем ли я уме.

Я рассадил крыс по клеткам.

— Это очень просто, — негромко объяснил профессор. — Смотрите на чернильницу на моем столе. Если с ней ничего не произойдет, скажите мне об этом сразу, и я пойду потихоньку — и со спокойной душой, поверьте, — в ближайший сумасшедший дом.

Я робко кивнул, а он запер дверь лаборатории и задернул шторы, так что мы оказались в полутьме.

— Я знаю, что я странный человек, — сказал Барнхауз. — Я боюсь самого себя — отсюда и все странности.

— По-моему, вы немного эксцентричны, но вовсе не...

— Если с этой чернильницей ничего не случится, то можете считать, что я окончательно рехнулся, — перебил он меня, включая свет. И прищурился. — Чтобы вы поняли, какой я псих, я вам скажу, о чем думал в бессонные ночи. Я думал: а вдруг я смогу дать каждому народу всё, что ему нужно, и навсегда покончить с войнами? Может быть, я сумею прокладывать дороги в джунглях, орошать пустыни, воздвигать плотины за одну ночь?

— Да, сэр.

— Смотрите на чернильницу!

Борясь со страхом, я послушно уставился на чернильницу. Казалось, от нее исходило тонкое жужжание. Потом она начала угрожающе вибрировать и вдруг запрыгала по столу, описывая круги. Остановилась, опять зажужжала, затем раскалилась докрасна и, вспыхнув сине-зеленым огнем, разлетелась на куски.

Должно быть, у меня волосы встали дыбом. Профессор тихонько рассмеялся. Наконец мне удалось вымолвить:

— Магниты?

— Если бы магниты!

Тут он и рассказал мне о психодинамизме. Такая сила существует, заявил профессор, но объяснить ее он не мог.

— Она во мне, и только во мне, — вот это ужасно.

— Это скорее поразительно и чудесно!

— Если бы я только и умел, что показывать танцующие чернильницы, то радовался бы от души. — Тут он поежился. — Но я не игру-

шечный пистолетик, мой мальчик. Если хотите, проедемся за город — я вам кое-что покажу.

Он рассказал мне о скалах, стертых в порошок, о поверженных дубах, о пустых сараях, начисто снесенных в радиусе пятидесяти миль от нашего поселка.

— Я просто сидел здесь, на месте, просто думал, и думал даже не очень напряженно. — Он нервно поскреб в затылке. — Я никогда не решился по-настоящему сосредоточиться: боялся натворить бед. Сейчас я дошел до того, что стоит мне только захотеть — и все летит к чертям... Еще несколько дней назад я считал, что мою тайну необходимо сохранить: ведь страшно подумать, как могут использовать эту силу! — продолжил он. — А теперь я понимаю, что не имею на это права, так же, как никто не имеет права хранить атомную бомбу. — Тут он протянул мне черновик письма к государственному секретарю. — По-моему, здесь сказано все, что нужно.

«Дорогой сэр.

Я открыл новую силу, которая не требует никаких затрат и при этом, возможно, окажется полезнее атомной энергии. Мне бы хотелось, чтобы эта сила служила делу мира, и поэтому я обращаюсь к вам за советом, как это сделать лучше всего.

С уважением, А.Барнхауз».

— Но что из этого выйдет, я совершенно не представляю, — добавил профессор.

И вот начался непрерывный трехмесячный кошмар. Поначалу днем и ночью политические деятели и военные тузы приезжали смотреть профессорские фокусы, а через пять дней нас перебросили в старинный особняк под Шарлотсвилем, в штате Вирджиния. Мы жили за колючей проволокой под охраной двадцати солдат, и все это называлось «Проектом доброй воли». Естественно, под грифом «Совершенно секретно».

Для компании к нам приставили генерала Баркера и государственного чиновника по имени Уильям К.Катрелл. Когда профессор распространялся о мире во всем мире и о всеобщем благоденствии, эти господа, вежливо улыбаясь, начинали говорить о практических мерах и о необходимости учитывать реальные факторы. После нескольких недель такой обработки профессор из мягкого и терпеливого человека превратился в закоренелого упрянца.

Сначала он согласился выдать те мысли, которые превратили его мозг в излучатель психической энергии, однако Катрелл и Баркер так к нему приставали, что вскоре профессор зажался. То есть если раньше он говорил, что эти сведения можно просто передать устно, то теперь стал утверждать, что для этого потребуются подробный письменный ответ. А однажды за обедом, когда генерал Баркер огласил секретные инструкции по операции «Мозговой штурм», профессор вдруг заявил:

— На подготовку отчета понадобится по крайней мере пять лет. — И сердито уставился на генерала: — А может, и все двадцать.

Это недвусмысленное заявление могло бы всех обескуражить, но у генерала было предпраздничное настроение: наступало время операции «Мозговой штурм».

— В этот самый момент корабли-мишени подходят к Каролинским островам, — восторженно провозгласил он. — Целых сто двадцать судов! Одновременно в Мехико подготавливают десять «Фау-2» и снаряжают пятьдесят реактивных бомбардировщиков с радиоуправлением для учебной атаки на Алеутские острова. Вот так-то!.. Далее: завтра ровно в одиннадцать ноль-ноль я даю вам, профессор, приказ: «Сосредоточиться!» — и вы начинаете изо всех сил думать, стараясь потопить корабли, взорвать «Фау» в воздухе и сбить бомбардировщики, пока они не долетели до цели. Ясно? Сумеете, а?

Профессор посерел и закрыл глаза.

— Я уже говорил вам, мой друг, что сам не знаю, на что способен. — И огорченно добавил: — А эту вашу операцию «Мозговой штурм», которую вы даже не обсудили со мной, я считаю ребячеством, и притом несообразно дорогим.

ФАНТАСТИКА

Генерал Баркер напыжился:

— Сэр, ваша специальность — психология, и я не пытаюсь давать вам советы в этой области. А мое дело — защита отечества. У меня за плечами тридцать лет безупречной службы, и я попросил бы вас не критиковать мои установки.

Тогда профессор обратился к Катреллу.

— Послушайте, — начал он умоляюще, — ведь мы же стараемся избавиться от войн и военщины! Как хорошо, скажем, попробовать перегнуть облака туда, где сейчас засуха. Это гораздо нагляднее, да и мне было бы легче. Конечно, я совсем не разбираюсь в международной политике, но все же вряд ли кто-нибудь захочет драться, если всего будет вдоволь... Мистер Катрелл, я бы с удовольствием заставлял генераторы работать без воды и угля, орошал бы пустыни, ну и все такое. Знаете, вы бы могли подсчитать, в чем нуждается каждая страна, и я обеспечу им всем полное процветание; это не будет стоить ни цента американским налогоплательщикам.

— Неукоснительная бдительность — вот цена свободы, — многозначительно произнес Баркер, в ответ на что, взглянув на того с легкой неприязнью, Катрелл заговорил:

— К сожалению, генерал по-своему прав. Как я хотел бы, профессор, чтобы мир был способен принять ваши идеалы. Но мир к этому просто не готов. Мы окружены не братьями, а врагами. Мы находимся на грани войны не потому, что не хватает еды или энергии. Идет борьба за власть. Кто будет владеть миром — мы или они?

Барнхауз сумрачно кивнул и встал из-за стола.

— Прошу прощения, джентльмены. В конце концов, кому, как не вам, знать, что нужно нашей стране. Я готов выполнить все ваши указания. — И тут он обернулся ко мне: — Не забудьте завести засекреченные часы и выпустить номенклатурную кошку.

Вот так он проворчал и затем спустился по лестнице в свою спальню.

Из соображений национальной безопасности операция «Мозговой штурм» проводилась в тайне от американских граждан. Наблюдатели, технический персонал и военные, привлеченные к работе, знали о секретном испытании, но о том, что именно будут испытывать, они не имели ни малейшего представления. Об этом знали только тридцать семь главных участников операции, в том числе и я.

В Вирджинии этот день, день операции, выдался очень холодным. В нашем камине трещали огромные поленья, и отблески пламени отражались в полированном металле сейфов, расставленных по стенам гостиной. От прелестной старинной обстановки осталась только двухместная козетка, вытасченная на середину комнаты, прямо против экранов трех телевизионных установок. Для остальных десяти человек, которым позволили присутствовать, принесли длинную скамью. На экранах, слева направо, была видна пустыня — цель боевых ракет, корабли, назначенные на роль морских свинок, и тот участок неба, где должна была появиться ревущая стая радиоуправляемых бомбардировщиков.

За девяносто минут до назначенного часа по радио поступило сообщение, что ракеты приведены в боевую готовность, корабли-наблюдатели отошли на безопасную дистанцию, а бомбардировщики легли на заданный курс. Мы, немногочисленные зрители из Вирджинии, расселись на скамье согласно чинам, много курили и почти не разговаривали. Профессор Барнхауз оставался в своей

спальне. Генерал Баркер носился по дому, как хозяйка, которой нужно приготовить праздничный обед на двадцать персон.

За десять минут до начала эксперимента генерал вошел в комнату, заботливо пропустив вперед Барнхауза. Профессор был одет по-домашнему: теннисные туфли, серые шерстяные брюки, синий свитер и белая рубашка с отложным воротничком. Они сели рядышком на старинную козетку. Генерал вспотел от напряжения, а профессор был бодр и весел. Он взглянул на экран, закурил и откинулся на спинку диванчика.

— Вижу бомбардировщики! — передал наблюдатель с Алеутских островов.

— Ракеты стартовали! — сообщили из Нью-Мехико.

Профессор, улыбаясь, продолжал созерцать телеэкраны. Генерал глухим голосом отсчитывал секунды:

— Пять... четыре... три... два... один... **СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ!**

Барнхауз закрыл глаза, сжал губы и стал поглаживать пальцами виски. Так он сидел около минуты. И тут изображения на экранах запрыгали. То есть статическое поле Барихауза заглушило все радиосигналы.

Профессор вздохнул, открыл глаза и удовлетворенно улыбнулся.

— Вы сделали все, что могли? — недоверчиво спросил генерал.

— Весь выложился, — только и ответил профессор.

Изображения на экранах пришли в норму, и радио донесло до нас восхищенные возгласы наблюдателей. Алеутское небо было исчерчено дымными следами обьятых пламенем бомбардировщиков, несущихся к земле. В тот же момент над пустыней появились букетики белых дымок, и мы услышали грохот далеких взрывов.

Генерал Баркер не верил своему счастью.

— Черт побери! Черт побери! — закричал он.

Но вслед за ним крикнул мой сосед адмирал:

— Смотрите! А корабли-то целы!

— Пушки как будто опускаются, — тихо заметил мистер Катрелл.

Мы все сгрудились возле экрана, чтобы лучше видеть то, что там творится. Катрелл оказался прав: корабельные орудия согнулись так, что стволы уперлись в палубу.

И тут у нас, в Вирджинии, поднялся такой крик, что уже не стало слышно сообщений по радио. Мы были поражены этим зрелищем настолько, что хватились профессора только после того, как два коротких взрыва от статического поля Барнхауза заставили нас замолчать. Радио вышло из строя.

Мы растерянно огляделись. Профессора не было. Часовой, указывая на покореженные ворота, сорванные с петель, в панике сообщил, что профессор сбежал. На казенном автобусе. Бросившиеся за ним машины, все до одной, были в огне.

— Черт, что же это на него накатило? — возопил генерал.

Мистер Катрелл, который последним выбежал за дверь, припелся обратно, дочитывая на ходу какую-то записку. Он сунул ее мне.

Я прочел вслух:

«Джентльмены! Будучи первым сверхоружием, обладающим совестью, я изымаю себя из арсенала государственной обороны. Оружие поступает подобным образом впервые в истории, но я ухожу по чисто человеческим причинам.

А. Барнхауз».

Разумеется, с того самого дня профессор приступил к систематическому уничтожению мировых запасов оружия, так что теперь все армии можно вооружить разве что камнями и дубинками. Его деятельность не привела к установлению на земле мира в полном смысле этого слова, но послужила началом нового вида бескровной и увлекательной войны, которую я называю «войной болтунов». Сегодня все страны наводнены вражескими агентами, которые занимаются исключительно разведкой складов оружия. Эти склады аккуратнейшим образом уничтожаются, как только профессору сообщают о них через прессу.

Однако каждый день приносит не только новые сведения о запасах вооружения, стертых в порошок при помощи психодинамизма,

но также и очередные версии о местопребывании профессора. Так за одну только прошлую неделю вышли три статьи, где с полной уверенностью утверждалось: профессор прячется в городе инков в Андах; скрывается в парижских трущобах; затаился в неисследованных глубинах Карлсбадской пещеры. Но, зная этого человека, я считаю, что для него такие убежища слишком романтичны и недостаточно комфортабельны. Многие люди охотятся за ним, однако есть миллионы других, которые любят и защищают его. Мне приятно думать, что он сейчас живет в доме именно у таких людей.

Совершенно бесспорно следующее. Когда я пишу эти строки, профессор Барнхауз еще жив: статическое поле Барнхауза прервало радиопередачу всего десять минут назад. За прошедшие восемнадцать месяцев о его смерти было объявлено раз десять, но любители побряцать оружием убедились, как глупо раньше времени радоваться смерти профессора. Не раз случалось, что громогласный оратор, во всеуслышание объявив конец «архитирании Барнхауза», уже через несколько секунд выбирался из-под обломков трибуны и из лохмотьев флагов. Но тем не менее люди, готовые в любой момент развязать войну, ждут в мрачном молчании, когда наступит неизбежное — конец профессора Барнхауза.

Он знает, что жить ему осталось недолго. Я понял это из его записки, оставленной в моем почтовом ящике в Сочельник. Напечатанная на грязном листе бумаги, эта записка без подписи состояла из десяти фраз. Девять из них написаны на тарабарском жаргоне и полны ссылок на неизвестные мне источники, поэтому поначалу эти девять фраз показались мне совершенно бессмысленными. Десятая, наоборот, составлена просто, в ней нет ни одного ученого слова, но ее смысл был вовсе нелепым, хотя и загадочным. Я чуть не выбросил эту записку, подумав о том, какое у моих коллег превратное представление о шутках. Но все-таки не выбросил, а почему-то положил ее в грудку бумаг у себя на столе, где валялись, между прочим, и игральные кости, когда-то принадлежавшие профессору.

И только через несколько недель до меня дошло, что это было послание, полное смысла, и что первые девять фраз, если в них разобраться, содержат в себе точные инструкции. Но десятая фраза по-прежнему долго оставалась непонятной, и только вчера я наконец сообразил, как ее связать с остальными. Это пришло мне в голову, когда я рассеянно подбрасывал профессорские кубики-кости.

Я обещал отправить этот отчет в издательство именно сегодня. Но после того, что произошло, мне придется нарушить обещание — или задержать ответ, или послать неоконченную статью. Так или иначе, задержка будет недолгой: одно из немногих преимуществ, которыми пользуются холостяки вроде меня, это свобода передвижения с места на место, от одного образа жизни к другому. Необходимые вещи можно уложить за несколько часов. К счастью, у меня есть довольно значительные средства, и всего за неделю эти суммы можно перевести на анонимные счета в разные места. Как только с этим будет покончено, я и вышлю статью.

Мой врач утверждает, что у меня превосходное здоровье. Я еще молод и, если повезет, смогу дожить до весьма преклонного возраста. А пока мне придется скрываться. Рано или поздно профессор Барнхауз умрет. Но я буду наготове задолго до этого. И я говорю воякам сегодняшнего (возможно, что и завтрашнего) дня: берегитесь! Умрет Барнхауз, но «эффект Барнхауза» останется.

Вчера ночью я еще раз попытался выполнить инструкции, написанные на том самом клочке бумаги. Взял профессорские «кубики» и, мысленно повторяя последнюю, самую бредовую фразу, выбросил подряд пятьдесят семерок.

До свиданья!

Перевод с английского
М. Н. Ковалевой

